

В книге «Воспоминания о Сергее Есенине» есть мемуары поэта и драматурга Анатолия Мариенгофа. Он, в частности, рассказывает о поездке с Сергеем Александровичем летом 1920 года на Северный Кавказ.

атре имени Свердлова. Толя читал монотонно, скучно, а Сергей — потрясающе, взволнованно. Да и стихи их нечего сравнивать. Понятно, что весь успех выпал на долю Сергея. Каждое его стихотворение встречали восторженно.

После выступления ростовчане прямо-таки атаковали наш вагон. Всем хотелось потолковать с Сергеем. И всех Сергей встречал по-товарищески, радушно. Я не замечал у него и тени высокомерия.

После Ростова в колдобовском вагоне мы добрались до Пятигорска, Кисловодска, Баку.

Когда мы ехали от Минеральных Вод до Баку, я зашел в купе, где были Сергей с Толей. Есенин читал какую-то книгу, потом, выглянув в окно, вдруг закричал: «Вася, смотри, смотри!»

Рядом с нашим поездом бежал жеребенок. Напрягаясь изо всех сил, он пытался обогнать поезд, но куда ему! Силенок не хватало. Обессилев, жеребенок стал отставать. Признаться, на меня это состязание жеребенка с поездом особенно впечатления не произвело. А Сергей... Сергей был прямо таки потрясен.

Это было, кажется, в полдень. Помнится, жара стояла нестерпимая. А на следующую ночь утром Есенин читал нам одну из лучших своих поэм — «Сорокоуст»:

...Милый, милый, смешной дуралей,
Куда он, куда он гонится?

Неужель он не знает, что
живых коней
Победила стальная конница?

Спустя много лет оно было напечатано. Маяковский в статье «Как делать стихи», помнится, писал: «Стали мне попадаться есенинские строки и стихи, которые не могли не нравиться, вроде: «Милый, милый, смешной дуралей...»

Гастев продолжал:

— У него дома я нередко заставал Толю Мариенгофа, поэта Рюрика Иванова (Ковалева), Георгия Богдановича Якулова.

С ЕСЕНИНЫМ ПО РОССИИ

«В середине лета «Почем соль» (кто это — скажем ниже. — Ю. П.) получил командировку на Кавказ.

— И мы (Мариенгоф с Есениным. — Ю. П.) с тобой.

Собирай чемоданы. Отдельный маленький белый вагон туркестанских дорог. У нас двухместное мягкое купе... Секретарем у «Почем соли»... Василий Гастев. Мальчик таной, что на ходу подметки ронет. Гастев в полной походной форме, вплоть до полевого биндюка. Какие-то невероятные нашивки у него на обшлаге. «Почем соль» железнодорожный свой чин приравнивает чуть ли не к командующему армией, а Гастев — скромно и командир полка. Когда он является к дежурному по станции и, нервно постукивая ногтем о желтую нобуру нагана, требует прицепки нашего вагона «вне всякой очереди», у дежурного трясутся поджилки.

— Слушаюсь, с первым отходящим...

С таким секретарем совершаем путь до Ростова молниеносно. Это означает, что вместо полагающихся по тому времени пятнадцати—двадцати дней мы высканиваем из вагона на Ростовском вокзале на пятые сутки.

Одновременно Гастев и... администратор наших лекций Мы с Есениным читаем в Ростове, в Таганроге...

Со времени той памятной поездки прошло более 60 лет. И вот недавно я узнал, что тогдашний спутник Есенина Гастев здравствует и поныне. Живет в моем родном Саратове.

Меня встречает старик, совсем седой, в больших очках, немного сутулый. Лицо доброе, глаза внимательные, ласковые. Я невольно отмечаю, что где-то уже видел это лицо. Но где же, где? Силюсь вспомнить. Ах, да! В театре кукол, в окружении малышей. Вот тебе и боевой администратор! Память меня не подвела: Гастев действительно руководил театром кукол в Саратове.

— Вы знали Есенина?

— Я был его импресарио. Организовывал выступления Сергея. И я, и Есенин были так молоды! А сейчас мне давно перевалило за 80.

Я попросил Василия Ивановича прокомментировать мемуары Мариенгофа.

— Лучше начнем с моего знакомства с Сергеем... Это было вскоре после гражданской войны, в начале лета двадцатого года. Я жил в Москве. Как-то вечером на улице случайно встретился с Толей Мариенгофом. Он учился некогда со мной в Нижнем Новгороде, в Дворянском институте, в одном классе (там учились не только дети дворян, но и разночинцев: я, к примеру, сын конторщика). Так вот, Толя пригласил меня к себе. Он обитал в Богословском переулке, недалеко от Художественного театра. Когда подходили к его дому, Толя сказал, что живет не один, а вместе со своим другом-поэтом.

...За столиком, заваленным рукописями, журналами, сидел молодой парень — очень красивый. Прямо-таки красавец писанный. Подтянутый, статный. Есенин...

Держался он просто, скромно, предложил мне поужинать. Оказался интересным собеседником. Через каких-ни-

будь двадцать минут мы были уже на «ты». И я называл его по имени.

Я уже собрался уходить, но тут в комнату быстрым шагом вошел худощавый человек в тюбетейке.

— Почем соль! Здорово, Почем соль! — приветствовали его Есенин и Мариенгоф. Есенин пояснил: «Это наш друг Гришка Колобов».

Колобов чуть постарше Есенина. Он был ответственным работником Наркомата путей сообщения. Очень любил поэзию, сам писал стихи под странным псевдонимом «Малабух». Бывая в разных городах, везде первым делом интересовался... почем соль. Время-то было трудное. Не хватало самого необходимого: хлеба, картошки, соли.

Колобов стал рассказывать разные истории о дорожных происшествиях, шутки, балагурил. Все мы весело смеялись. А под конец Толя сказал:

— Гришка, а почему б тебе не взять этого паренька (он кивнул в мою сторону) в секретари? Человек он почтенный: участник гражданской войны. А для Серджи и меня он будет еще импресарио.

Предложение и Колобову и Есенину понравилось. Назавтра я уже держал в руках новенький мандат, скрепленный надлежащей подписью и печатью, в коем говорилось, что Гастев Василий Иванович является администратором и организатором выступлений группы поэтов.

Вскоре в служебном вагоне Колобова Есенин, Мариенгоф и я совершили ту самую поездку, которую описал Толя в своих мемуарах. Этот вагон Сергей называл «Гришкин вагон».

Хотя мы и ездили на Кавказ в «Гришкином», служебном вагоне, нам, как, впрочем, и всем пассажирам, приходилось нелегко. Гражданская война только кончилась. Транспорт был парализован. На пути то и дело возникали препятствия, задержки. Вот и пришлось мне для важности надеть кобуру с наганом.

По тем временам от Москвы до Ростова ехали поездом 15—20 суток. Лишь благодаря моему грозному виду мы добрались до Ростова на пятые сутки. Это было действительно «молниеносно». Толя пишет сущую правду.

— Простите, а зачем вам понадобился бинокль, да еще полевой, цейсовский? — спросил я у Василия Ивановича.

— Бинокля не было. Это Толя выдумал. Видимо, чтоб меня посолонней представить. И никаких «невероятных нашивок на обшлаге» не было. Это Толя мне их «нашил».

Есенин и Мариенгоф читали свои стихи на литературном вечере в местном те-

Акулов был известным театральным художником и талантливым скульптором. «Баллада о 26» Есенина имеет посвящение «С любовью — прекрасному художнику Г. Якулову».

Между прочим, с Айседорой Дункан Есенина познакомил Якулов в своей студии. Однажды, когда я пришел к Сергею, он предложил мне вместе с Георгием Богдановичем съездить к Дункан.

— Едем на Пречистенку, — весело сказал он. — Посмотришь, как Айседора с красным шарфом пляшет «Интернационал».

Мы наняли извозчика. На пролетке я уселся рядом с Якуловым. Сергей у нас на коленях. Подъезжаем мы к Страстному бульвару. У памятника Пушкину Сергей спросил возницу:

— Ты поэта Сергея Есенина знаешь? Тот поморщился:

— Чтой-то не слышал.

Сергей остановил пролетку. Подошел к Пушкину, снял шляпу и, низко поклонившись, произнес:

— Эх, далеко мне до тебя, Александр Сергеевич!

К Пушкину Сергей относился с благоговением, обожал его. Любил читать стихи у пушкинского памятника.

Запомнился мне диспут в Политехническом музее. Всеволод Мейерхольд выступал с лекцией о новом театре. Он сказал, что новый, революционный театр вначале будет не всеми понят, но потом его ударную программу примут очень многие.

Оппонентом от имени поэтов выступал Есенин. Поэт сказал, что все талантливое, гениальное определяется народом. Народ — главный ценитель искусства. Произведение искусства должно быть таким, чтобы каждый рабочий и крестьянин мог все понять — без особой подготовки.

Последний раз мы виделись в 1922 году, перед отъездом Есенина за границу. Он говорил, что скоро вернется. Незадолго до этого подарил мне свою книжечку стихов «Голубень» с подписью: «Дорогому Васе с любовью. С. Есенин».

...Прошли годы. В Отечественную войну я воевал под Сталинградом, был тяжело ранен. Я видел, как героически сражались, гибли юноши, такие же молодые, как Есенин. И мне не раз вспоминались есенинские строки:

Я тем завидую,
Кто жизнь провел в бою,
Кто защищал великую идею.

Юрий ПЕСИКОВ.

САРАТОВ.